

Зажав ладонью рану, Шэнь Мэнчжуан тяжело ковылял по дороге. Позади, опустив голову, понуро плелся Лу Цинюань. Юноша не смел приблизиться, но и отставать боялся, а потому лишь изредка бросал на него робкие взгляды: стоило подойти слишком близко — замирал как вкопанный, но стоило Шэнь Мэнчжуану оторваться — тут же поспешно нагонял.

К счастью, Шэнь Мэнчжуан уже достиг высокого уровня самосовершенствования, так что его внешние раны понемногу затягивались. Однако внутри все еще бушевала чужеродная ци меча Забвения Забот, истерзавшая его духовные каналы, из-за чего он не мог направить внутренние силы на исцеление.

«И это называется пилюлей самоисцеления? Что-то никакого исцеления я не чувствую, а вот конец мне, кажется, придет самый настоящий!»

Внезапно по меридианам вспять ударил яростный поток заблокированной энергии. Шэнь Мэнчжуан охнул, прижал ладонь к груди, и земля у него под ногами закачалась. Заметив это, Лу Цинюань тут же подскочил к нему и поддержал под руку.

— Старший соученик, не упрямься, — взмолился он. — Позволь мне помочь тебе.

Шэнь Мэнчжуан резко высвободился. Обида и злость на недавнюю выходку парня еще не утихли; он еще не успел как следует призвать этого мальчишку к ответу, так что спускать все на тормозах было нельзя.

Но стоило оттолкнуть юношу, как Шэнь Мэнчжуан потерял равновесие и качнулся назад. Лу Цинюань тут же крепко обнял его за плечи, удерживая, и заговорил — тихо, вкрадчиво, почти заискивающе:

— Хочешь бей меня, хочешь ругай — воля твоя, старший соученик. Но позволь мне сначала найти поблизости постоянный двор, чтобы ты мог залечить раны. Пожалуйста, не молчи... Даже если я тебе противен, я все равно не уйду. Тебе от меня теперь не избавиться...

Глядя на эту несчастную, побитую физиономию, Шэнь Мэнчжуан чуть было не растаял. К счастью, он вовремя спохватился и мысленно надавал себе по щекам. С трудом сдержав порыв потрепать парня по макушке, он упрямо вздернул подбородок, отвернулся и не проронил ни звука.

Лу Цинюань робко заглянул ему в лицо. Расценив угрюмое молчание как знак согласия, он бережно приобнял старшего соученика и повел за собой. Дорогу они одолели в полном безмолвии. Ни единого слова, ни единого взгляда: один шел, понуриив голову, другой демонстративно отворачивался. Наконец на окраине города показалась вывеска постоянного двора.

Сняв две комнаты, Шэнь Мэнчжуан едва переступил порог своей, как с грохотом захлопнул дверь перед самым носом спутника. Оставшийся в коридоре Лу Цинюань лишь виновато

опустил плечи, созерцая глухую деревянную преграду и не смея издать ни звука.

«Старший соученик разозлился на меня...»

«Я снова заставил его гневаться...»

Между тем Шэнь Мэнчжуан метался по комнате из угла в угол. Внутреннее смятение совершенно заглушило физическую боль: все его мысли были заняты событиями сегодняшнего дня.

Ведь до того, как пробудилась Кровавая Печать Смерти, Лу Цинюань оставался наивным мальчишкой, который и мухи бы не обидел, да и талантами среди младших учеников не блистал. А сегодня в Безмерной Белой Пагоде его владение мечом и сокрушительные удары ладоней поражали точностью. Пусть его духовным силам еще недоставало зрелости, он уже умудрился биться на равных с самим Чжоу Буфанем!

Мало того, в усадьбе семьи Чжао он хладнокровно вырезал толпу беззащитных людей, которые и сдачи-то дать не могли.

Нет сомнений, это Кровавая Печать Смерти отравила его разум. Твари из Царства демонов пропитаны жаждой крови, для них убийство — лишь забава. И пусть Лу Цинюань усердно постигал духовные законы Школы Таинственной Лазури, то, что он натворил сегодня...

Неужели природу не победить? Неужели он обречен, и спасения нет?

Подойдя к окну, Шэнь Мэнчжуан уставился на чахлый цветок в горшке на столе и тяжело вздохнул.

Он смирился с тем, что через много лет Лу Цинюань возненавидит его всей душой, — в конце концов, он сам был кругом виноват перед юношей. Но как безучастно смотреть на то, как прольется кровь безвинных жителей Тёмных Земель? Это его личный грех, и расплачиваться за него невинным душам не должно.

Ветер сквозь раму шевелил занавеси. Шэнь Мэнчжуан гипнотизировал взглядом листья, как вдруг в памяти всплыл финал оригинального романа. Писатель скомкал концовку, и в последних главах то и дело мелькали зловещие штампы вроде «горы трупов», «реки крови» и «выжженная земля».

Если история покатится по накатанной колее, неужели ему придется стать свидетелем каждого из этих кошмаров?

От этой мысли его бросило в дрожь. Строки из прочитанной когда-то книги начали вспыхивать в голове одна за другой — беспощадные, неопровержимые. То было описание далекого

будущего, где правил совершенно чужой, пугающий Лу Цинюань, а Тёмные Земли захлебывались в огне и муках:

«... Над горами побелевших костей, на самом краю изогнутой крыши сидел мужчина в роскошной короне и черном плаще. Подперев подбородок ладонью, он с ленивой усмешкой взирал на копошащихся внизу людей. Творящееся внизу безумие — грабежи, резня и отчаянные вопли умирающих — забавляло его не больше, чем разорение муравейника. Жизни смертных для него не стоили и ломаного гроша. Сплошная скука...»

«... Он шел вперед с высоко поднятой головой, величественный и безупречный, не оскверненный дорожной пылью. Лишь легкий взмах его широкого рукава — и стоявшие позади люди в мгновение ока лишились голов. Брызнула кровь, куски плоти разлетелись в стороны, и гора трупов выросла до небес. Сам же палач скрылся в клубах клубящегося темного тумана. С тех пор мир узнал его имя, которое заставляло людей бледнеть от ужаса и бессильной злобы...»

Каждое слово отзывалось в груди невыносимой болью. Ведь этот будущий монстр — тот самый мальчик, которого он вырастил своими руками. И это его собственная вина.

Шэнь Мэнчжуан обреченно покачал головой и завел руки за спину. Мысли путались, перед глазами одна за другой вставали жуткие картины из книги. Навалившаяся ответственность душила своей неподъемной тяжестью. Каково это — нести на плечах судьбу целого мира и жизни миллионов людей? От одной лишь мысли об этом перехватывало дыхание.

«Скажите на милость, есть в этой вселенной злодеев несчастнее меня?! Я ведь был обычным читателем! За какие грехи мне это наказание? Ладно бы просто умереть самому, так нет — я должен собственноручно подтолкнуть главного героя к бездне, чтобы он потом вырезал всех поголовно! У здешних неигровых персонажей тоже есть чувства! В чем они-то провинились? Что это за идиотское задание по переселению душ? Почему другие попаданцы спокойно спасают свои шкуры, а я должен отыгрывать эту людоедскую роль?!»

Обида и злость клокотали в груди, требуя выхода.

«Я все понял, братец Системщик, виноват! Может, вернешь меня обратно? Давай договоримся, подбери мне другую книжку, а?»

[Система: Пожалуйста, скорректируйте свое отношение. В противном случае с вас будут списаны очки симпатии и показатель подлости!]

«Где ваша человечность?! Никакой справедливости!»

Шэнь Мэнчжуан уныло покачал головой и, неосознанно сорвавшись на шепот, тихо произнес:

— Тех, кто предаст меня, не пощадят ни небо, ни земля...

Хм?

«Тех, кто предаст меня, не пощадят ни небо, ни земля...»

«Откуда эти слова? Они казались до боли знакомыми. Где я мог их слышать или читать? Память упрямо отказывалась подчиняться.»

Шэнь Мэнчжуан нахмурился, сию минуту схватившись за ускользающую мысль. И тут перед мысленным взором вновь замелькали строчки романа:

«... Мужчина в черном одеянии и императорском венце, окутанный зловещей темной дымкой, стоял на самой вершине Врат Моего Пути. Сверху вниз он взирал на тех, кто когда-то делил с ним кров и учение. Ныне же бывшие собраты превратились в его жалкие игрушки. Какое упоение!..»

«... Тяжелые тучи затмили солнце, небо без конца полосовали молнии, выл неистовый ветер. Вглядываясь в толпу, мужчина отыскивал знакомый силуэт. Губы его тронула едва заметная улыбка. Лицо скрывала клубящаяся тьма, мешая разобрать, была то насмешка или презрение, но голос его звучал мягко и даже радостно, точно при долгожданной встрече:»

«— Тех, кто предаст меня, не пощадят ни небо, ни земля...»

Шэнь Мэнчжуан почувствовал, как у него заныли виски. Подобных сцен в финале книги было без счета. Автор явно упивался собственной жестокостью: сам процесс падения героя во тьму он толком не прописал, зато последующую резню расписал так подробно и нудно, словно портянки наматывал.

«Да твою же мать! Только дайте мне вернуться в свой мир, я лично прижму этого бумагомараку к стене и заставлю переписать весь этот бред! Он что, не понимает, что подобные кровавые бани вредны для неокрепшей детской психики? О цензуре вообще не слышал? Напроситься на жалобу решил?!»

Шэнь Мэнчжуан уперся рукой в бок, а другой принялся яростно массировать виски. Голова раскалывалась от злости. Проклятый писака, из-за него теперь расхлебывай кашу!

Посреди этого мысленного потока ругательств на его поясе вдруг слабо замерцал огонек. Шэнь Мэнчжуан опустил взгляд и заметил, что Прибор Отклика Чувств начал испускать мягкое сияние. Он торопливо достал артефакт, но не успел даже поднести его к лицу, как из глубин прибора раздался тихий, преисполненный вселенской обиды голосок.словно провинившееся дитя, Лу Цинюань жалобно пролепетал:

— Старший соученик, ты не разговариваешь со мной уже целый час...

<http://bllate.org/book/20579/2178292>